

ВОЗРОЖДЕНИЕ АЛЕУТСКОГО ТАНЦА (Америка, Аляска, 1993-1996 гг.)

Е. Т. Гиль

Мой жизненный опыт в творчестве довольно известен. Это и прославленный ансамбль «Мэнго», которому я отдала лучшие молодые годы, насчитывающие 25 лет. Затем один год в школе искусств в п. Палана, где к концу учебного года я получила приглашение на Алеутские острова в качестве преподавателя алеутского танца.

Итак, 13 февраля 1994 года я приземлилась в аэропорту г. Анкориджа. Меня встречали с фотографией, которая была поднята над головой директора школы Джона Консилюса. Судя по тому, как встречающие нервозно вели себя, я поняла, что это за мной. Друг Джона Консилюса держал словари. Я спросила о переводчике, они стали кивать на книги, все мы втроем рассмеялись над ситуацией. С этого времени я начала жизнь, полную приключений и разгадок.

Тот английский, что давался в мою бытность в школе, никак не соответствовал бытию. Слава Богу, с юмором у меня и моих новых знакомых было в порядке, так что языковой барьер был лихо взят.

Устроившись в гостинице, мы сразу отправились осматривать город. Сразу бросилась в глаза схожесть ландшафтов Камчатки и Аляски, такое же море, очертания островных берегов, а замерзшие, они напоминали паланский или лесновский берег. Прямо в центре стояли олени и собачьи упряжки. Можно было за плату прокатиться или сфотографироваться.

Многие города зарубежья мне были хорошо знакомы по многочисленным гастрольным поездкам. Это одинаковая суэта, многочисленность народа на улицах, особенный запах, зазывающая реклама тут и там, еда со всех сторон и степенно шагающие американцы, твердо ступающие по своей земле. Поражала синева неба и белизна гор. У меня было смешанное чувство, как будто я нахожусь на Камчатке и в то же время оно возвращало меня в Америку. Уставшая, я уснула, не забыв занести первые записи в свой путевой дневник.

Наутро прилетел начальник образования и начались хлопоты по приобретению необходимых вещей и утвари в мой дом. По привычке я отказывалась, думала, столько вещей и я буду обложена ими, как

это бывает на наших авиалиниях. Оказалось все цивилизованно, как только вещь покупалась, она сразу паковалась у меня на глазах, так что я ушла, как и пришла, с одной сумочкой.

Целую неделю я провела в Анкоридже, совмещая ознакомительные прогулки с оформлением в визовом отделе, проходя иммиграционные службы. Ходила в музеи, на концерты и очень переживала, когда же я наконец увижу алеутский народ. Что же произошло с их танцем, что мне приходится ехать издалека преподавать, как я потом узнаю, несуществующий на сегодня танец. По нашему братскому, аборигенному народу также прошелся смерч перемен и искоренения всего традиционного, сугубо присущего аралу, жизни аборигенов, взамен обещания блага цивилизации.

Анкоридж, как и Петропавловск-Камчатский, город международный. Наконец, я его покидаю, мы летим в Уналашку. Ночь я провела в шикарном номере гостиницы «Гранд Алеушн» (уже звучит название алеутское) и наутро в тумане отправилась на мой остров. Пролетели целую гряду островов, такие гордые и величественные места. Все время полета я смотрела в иллюминатор. Пилоты смеялись разговаривая с салоном, пассажиры отвечали им. И вот она, моя маленькая точка в несколько домиков, и мой возглас утонул в шуме мотора. Самолет быстро, как и набирал высоту, оказался подруленным к зданию, что-то вроде огромного сарая вместо аэровокзала. Здесь же стояли люди, черненькие такие, улыбающиеся. Я сразу подошла к ним, поздоровалась за руки, женщин обняла и в следующую минуту вся кавалькада из «байков» ринулась в село. Меня встретил школьный микроавтобус, а через неделю, когда мне сказали, что я должна ездить на работу на «байке Хонда», я ужаснулась, вспомнила почему-то мои попытки в отрочестве оседлать велосипед, упав пару раз, я навсегда бросила эту затею, а тут снова я должна учиться тому, что не нравится.

Быстро прошла неделя ознакомления, я приехала на пустое место. Какой танец? Даже странно было подумать, как можно что-либо делать, когда в лету канули даже праздничные и ритуальные обряды. Аж в конце своего пребывания я узнаю, что пятьдесят лет алеуты отсутствовали на островах, что они умирали и рождались в неволе, тщательно оберегая каждого рожденного в неволе ребенка. Печально и непостижимо. Нельзя оставлять свои места обитания, иначе остается дыра в памяти.

И вот неким связующим звеном стала я. Мне дано было судьбой приехать и снова изучая и показывая своим примером, как нужно

жить, возвращать им свой былой ценз народа. Не зная основного языка общения на Аляске – английского, мне пришлось всматриваться исподволь в моих «сородичей» и какими-то сверхусилиями и чувствительностью находить нити, порванные окультуриванием целых огромных северных народов всего Ледовитого круга, где расположены все этносы со своим издревле налаженным бытом и ценностью.

Контакт со школьниками налажился сразу. Дети – они везде одинаковы. Они показались мне очень скромными, стеснительными. Какие-то разделения мужского и женского начал в них еще очень сильно сидели внутри, это сразу пошло в мой багаж познания психологии. Дети также разглядывали и узнавали меня, пытаюсь понять, что у меня на уме.

Мы начали с древнего языка наших предков – это язык трансформации. Прекрасно понимая друг друга полуповоротами, глазами, жестами и тоном разговора, мы двигались по новому пути приобретения опыта, постепенно идя к главной задаче – обрести заново себя через танец. Все педагоги следили за моим методом. Что-то сразу приобщалось, ведь оказывается преподавание других предметов также было на стадии «прощупывания». Для алеутов вырабатывалась методика обучения согласно специфике народа, его стремлениям, ни в коем случае не нагнетаемая.

Дети сильно смеялись за моей спиной над тем, как я буду садиться на «байк», сразу ли я найду, что мне включать. Разворот назад мне вообще не давался и дети ждали, кого же я буду просить из взрослых развернуть мне моего стального «коня».

Джон показал пальцем, учись, мол, вышел сам и мы выехали на простор учиться ездить. Дети с удовольствием учат меня необходимым словам и выражениям, смеются, когда произношение не получается. Сдружилась я также и с Оксфордским словарем, он будет до последнего моим самым первым помощником в общении, даже когда появится компьютер-переводчик. Появилась блестящая возможность читать необходимую специальную литературу, материалы по этнографии, места, где описывается драмбит (игра на бубне) или сказано о празднествах. Оказалось, что и у алеутов были большие праздники и проходили они примерно в одно время, как «Алхалалалай» и «Ололо». Это праздники, связанные с итоговыми показателями: после удачной охоты, заготовок всего необходимого на долгую зиму. Это я прочитала в книге Хунсакера, который описал мысли и чаяния девочки, видевшей древнюю, красивую жизнь еще в младенчестве.

Она видела, как пришли казаки, как они проводили свои вечера с балалайкой, как исчезали сестры, молодые женщины и т. д.

Для работы по изучению алеутского народа мне пришлось всячески изворачиваться, чтобы понять: иногда мой компьютер выдавал неправильную, искаженную информацию, это если я, скажем, закладывала полностью любое предложение на английском, а на русском шли точки или же совсем сплошной абсурд, пока я не поняла, что надо излагать более проще, но со смыслом, тогда совсем другое дело. Мой переводчик знал лишь 20000 слов, следующий будет с 60000 словами запаса. Здесь мне много помогала моя дочь Тамара, которая легче вошла в изучение, она ведь была одной из моих учениц.

Я стала такой интересной и смешной, наверное, со стороны, потому что, что бы я ни делала, вокруг меня все время тихо присутствовали мои новые знакомые: и дети, и их родители. Затем стали приезжать люди, которым я также казалась не от мира сего. Это и психологи, и аналитики из офиса из Датч-Харбора (Уналашка). Оказывается, им нужно было узнать, что мне надо для начала работы. Так как мой язык был никудышный, то всем было интересно, когда же я сломаюсь или начну-таки с чего-то. Первая помощь пришла от совета школы, они заказали в университет города Фербенкса все меня интересующее на русском языке. Когда я приходила домой, на моем столе стояли ящики, адресованные мне. Я прихватывала часть ночи, до 3-4 часов изучая материалы по дизайну, шитью, крою алеутского костюма. Почему-то я пошла этим путем, чтобы расшевелить моих учеников, ведь надев костюм, они обретут ту ценность, что называется спящим доселе знанием жизни, генетическим кодом.

Я еще и еще раз просматривала скупые записи алеутского хода в танце, этот скудный материал, веря, что описание и репродукции очень помогут в разгадке исчезнувшего танца.

Надолго поселилась я в 17-18 столетиях, копаясь и находя истоки к разгадкам, а учение Александра Васильевича Гиля в изучении, скрупулезном поиске-познании северных народов, куда входят культура, язык, поведение, быт – все это вкупе дало мне мощный толчок в работе. Уже после первого месяца был виден маленький шаг в продвижении вперед. Я взяла направление работы по А. В. Гилю, а это: «Жизнь и искусство народностей Севера в крепком единстве с природой, чуткое соседство жизнью человека и животного мира, все это в дополнении друг другу, покровительстве одного перед другим,

в сосуществовании – все это давало возможность жить человеку в экстремальных условиях многие века и годы».

Много сходного нашла я в наших народностях, это:

- а) ритуальные праздники;
- б) поклонение божествам, просьба принести удачу, извинение перед убитым зверем (просили у него прощения за то, что убили его и приглашали зверя прийти еще раз, когда в этом будет нужда);
- в) всевозможные амулеты-обереги;
- г) трансформация (разговор двух людей через душевное состояние, без слов, глядя в глаза друг другу или же на огромном расстоянии узнавать, все ли в порядке с сородичами, или же почувствовать близкую тревогу и не напрасно).

Это были не простые люди, по-нашему шаманы, по-современному – экстрасенсы.

До десяти лет дети были с матерью, бабушками, тетушками, мужчины были на промысле, но после 10-ти девочек и мальчиков в алеутских семьях начинали отделять. Для мальчиков начиналась пора обучения боевым искусствам, считалось позорным быть слабым, болезненные погибали при первых жизненных невзгодах. Слишком сурова была действительность, перед которой мог выстоять лишь сильнейший, поэтому молодые люди были красивы, ловки, обладали силой в борьбе с врагом, стихией.

Также готовились девочки своим женским наукам быть будущими матерями, хозяйками. Под луной происходили ритуальные праздники. Мужчины и женщины порознь, они были в оголенном виде. Были и общие, но разделение происходило также на мужскую и женскую стороны, посередине горел костер.

Праздник начинался с хождения по углям, затем барабанная дробь, мелодии и т. д. Для праздника предназначен был самый большой дом «барабара», женщины стелили на пол траву, под настил прятался нож кверху острием, в нужную минуту на него роняли жертву. Для шаманского ритуала использовались мумии животных или куски высушенной человечины, но особенным же блеском было умерщвление жертвы на самом празднике.

Убийство происходило на почве ревности, по тому, как двое куплетистов высмеивали друг друга в песнях, постепенно атмосфера накалялась, затем противники кидались друг на друга. С течением

времени такой исход все реже становился актуальным, а сами старейшины стали требовать мирного конца. Единственное состязание осталось в силе – на лучшего танцора, песенника и т. д. Мудрые люди становились выше разумом и хотели видеть гостей из года в год, празднуя лучшие свадьбы, ведь пришел мир и стали зарождаться семьи...

Когда я перевела этот абзац из древней, былой жизни алеутов, мои друзья сидели тихо, как бы отошли вглубь веков. Явный интерес я пробудила к их жизни. Параллельно я рассказывала о наших праздниках, которые также с течением времени и сменой поколений слегка изменились, но они еще есть. Есть у нас мудрые старики, которые передают героический эпос из поколения в поколение.

Мы в эти дни, недели, последующие месяцы, тысячелетия суммируем наши знания для следующих поколений. Не повернется жизнь вспять и мы не желаем ее возврата, задача стоит гораздо важнее на сегодня: что у нас есть – то и передать.

Е.Т. Гиль
фото П. Крюкова

Мы также должны быть очень благодарны ученым Богоразу, Стеллеру, Иохельсону, Крашенинникову и др. за то, что мы являемся частью достойных северных племен. Также я благодарна судьбе за встречу с удивительным человеком, который, пребывая на Камчатке, был и здесь, у вас, на святой древней Лесновской земле. Это – Гиль Александр Васильевич. В свое время танцевальная культура могла бы претерпеть такой же негативный момент, как исчезнуть. Вспомните 1965-1966 годы. Это была эпоха переиначивания, в своем не самом лучшем виде, для северных народов. Подумаем, поразмыслим, обнимая своих внуков, что нужно еще сделать, чтобы они с гордостью назывались своим народом.

Мастер-класс: Е. Гиль и Г. Федотова
фото П. Крюкова

